

ВЕЛИКИЕ ЭПОХИ

ЛЬЮИС
КЭРРОЛЛ

Тайна оксфордского
чудака

НИНА ДЕМУРОВА

УДК 821.111.09(410)
ББК 83.3(4Вел)-8
Д31

В оформлении переплёта использована фотография Оскара Густава Рейландера «Льюис Кэрролл», 1863 (Переведено в цвет при помощи искусственного интеллекта)

Перевод с английского языка О. Белозерова, Д. Орловской, О. Седаковой

Демурова, Нина Михайловна.

Д31 Льюис Кэрролл. Тайна оксфордского чудака / Нина Демурова. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 368 с.: ил. — (Великие эпохи).

ISBN 978-5-17-186946-5

Как оксфордский профессор математики Чарлз Латвидж Доджсон превратился в бессмертного писателя Льюиса Кэрролла — создателя «Алисы в Стране чудес»? Почему единственное заграничное путешествие автора «Охоты на Снарка» было не в экзотическую Индию или романтическую Италию, а в снежную Россию? На что уходили баснословные по тем временам гонорары «чудака в сюртуке»? И какой на самом деле была та самая девочка Алиса, чье имя навсегда вписано в историю мировой литературы?

На эти и многие другие вопросы отвечает Нина Демурова — известная переводчица и исследовательница английской литературы. Опираясь на редкие архивные материалы и глубокое знание викторианской эпохи, автор проводит читателя по лабиринтам жизни и творчества эксцентричного гения, отделяя факты от легенд, и раскрывая подлинную историю создателя самой обаятельной сказки всех времен.

УДК 821.111.09(410)
ББК 83.3(4Вел)-8

ISBN 978-5-17-186946-5

© О. А. Седакова, перевод 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
О предках и о родителях	11
Дарсбери. Чеширская идиллия	21
Крофт-на-тисе. Йоркширский дом	36
Школьные годы	43
Студент Крайст Чёрч, Оксфорд	55
Оксфордский «дон»	76
Крайст Чёрч и лондонские впечатления	101
Доджсон фотографирует	118
«Полдень золотой...»	143
«Алиса» выходит в свет	163
В Россию! Европейская интродукция	185
Путешествие по России	203
Возвращение	237
По ту сторону зеркала	244
«Сильвия и Бруно»	276

И снова «Алиса»	303
Поздние годы	313
Тайна Льюиса Кэрролла	337
Примечания	343
Приложение	345
Основные даты жизни и творчества Льюиса Кэрролла (Чарльза Латвиджа Доджсона)	361

ПРЕДИСЛОВИЕ

Странными и неожиданными путями выходишь на свою дорогу. Как случилось, что Льюис Кэрролл занял столь важное место в моей жизни? В детстве мне не читали «Алису в Стране чудес» Кэрролла, я не рассматривала картинки Джона Тенниела — у нас в доме и книжки такой не было. Не слышала я о ней и в школьные годы. В университете, где я училась, а потом преподавала на английском отделении филологического факультета, никто ни разу не сказал ни слова о Кэрролле, хотя, казалось бы, вот на каких текстах надо учиться — и учить — английскому языку! Впрочем, откуда было взять эти тексты? Наши преподаватели не выезжали за «железный занавес», кэрролловских текстов у нас не было — ни оригинала, ни сколько-нибудь близкого к нему перевода. Сейчас я даже не могу вспомнить, когда сказки про Алису попали мне в руки. Отчетливо помню лишь одно: в 1961 году в Москве открыли Высшие педагогические курсы для вузовских преподавателей английского языка, куда приезжали на два года слушатели со всего Союза, и меня попросили читать им лекции по английской литературе, а потом и по стилистике английского языка.

Оба курса читались по-английски. Курс стилистики был весьма подробный и сложный, и, чтобы слушатели мои не заснули во время лекций, я решила оживить сухую теорию, выбирая примеры из разных веселых и увлекательных текстов английских авторов. Тогда-то я и вспомнила о Кэрролле — значит, все-таки прочитала его по-английски, верно, взяла в Библиотеке иностранной литературы. Пожалуй, тогда я впервые поняла, какой это блестящий писатель! Я читала своим слушателям отрывки из его сказок — и лица оживлялись, раздавался смех, в глазах появлялся блеск. Курсанты знали, что я занимаюсь переводами (к тому времени уже вышли рассказы Г. К. Честертона и кое-какие другие работы), и то и дело спрашивали: «А как это перевести?» — «Не знаю, — отвечала я, — тут главное вот что передать...» Иногда я предлагала несколько вариантов. Вскоре я поняла, что должна быть готова к подобным вопросам, и стала карандашом записывать на полях своего экземпляра «Алисы» возможные варианты перевода. Это была увлекательная игра! Так потихоньку,

исподволь, сама того не подозревая, я начала «погружаться в текст». В кэрролловский текст.

Прошло лет пять, и некий чиновник из «Международной книги»¹, занимавшийся Болгарией, увидел в списке публикаций болгарского издательства «София-пресс» книгу «Алиса в Стране чудес и в Зазеркалье». В голове у него что-то звякнуло, что-то смутно вспомнилось, и он, недолго думая, заказал для советских читателей перевод двух книг об Алисе — *с болгарского!* Директор «Софии-пресс» с дивным именем Ангел Стоянов отправил в «Межкнигу» письмо, в котором говорилось, что лучше, пожалуй, переводить эти книги *с английского языка...* Вежливый человек! Прошло полгода — и чиновник повторил заказ. Стоянов понял, что пришла пора взять дело в свои руки: надо искать переводчика с английского на русский! В Болгарии такого переводчика не было. Приехав по делам в Москву, Ангел поведал об этой странной истории русскому коллеге-редактору, который сразу же откликнулся: «Я знаю для тебя переводчицу! Она уже давно работает над текстом». И Ангел начал действовать. Со мной заключили договор на обе сказки об Алисе и предисловие, и тут уж я принялась «погружаться» всерьез. Набрала множество книг, не вылезала из библиотек, прочитывала по главе на ночь, положив на ночной столик блокнот с карандашом...

Ранней весной 1967 года книга вышла. Ее продавали в магазине «Дружба» на улице Горького (теперешней Тверской). Кто-то из друзей позвонил мне: «Ты что дома сидишь?! Твою книгу в “Дружке” продают!» Был солнечный день, в воздухе кружились редкие хлопья внезапно пошедшего снега, кружились и таяли, не долетая до земли, а перед дверью магазина стояла веселая говорливая очередь — она огибала громоздкое здание «Дружбы», заворачивала за угол и тянулась дальше по переулку.

Книга имела успех. Первый тираж быстро разошелся, а был он немалым — 100 тысяч экземпляров! Потом вышел второй тираж — и опять 100 тысяч! Когда по приглашению издателей я приехала в Софию, меня очень тепло приняли: поили великолепным кофе, гадали на кофейной гуще, расспрашивали о Москве, рассказывали о бабе Ванге... Только никак не могли понять: почему я не говорю по-болгарски? Я старалась всё объяснить: «Понимаете, один чиновник из “Межкниги”...» Они качали головами (в Болгарии это знак согласия), а потом всё же спрашивали: «Но эту сказку про девочку Алису вы ведь

¹ Так называлась организация, осуществляющая в те годы заказ изданий для нас в странах Восточной Европы. Книги переводились на русский язык и продавались по всей стране в магазинах «Дружба». (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, прилагания автора.)

перевели с болгарского на русский?.. Нет? А-а, значит, с русского на болгарский?» А когда я возвращалась в Москву, случайный попутчик горячо советовал мне купить для детей книжку «Алиса в Стране чудес»: «Она недавно вышла. Рисунки хорошие, переплет в белом су-пере, и на нем девочка в короне... А переводчик какая-то Демурова... Болгарка, а русский так хорошо знает!»

Словом, Кэрролл прочно вошел в мою жизнь. Оглядываясь на эти теперь уже давние годы, я понимаю, что во многом они прошли под знаком Льюиса Кэрролла. Конечно, были и другие авторы, которых я любила и которыми занималась, — английские, американские, индийские, даже новозеландские... Назову хотя бы некоторые из этих замечательных имен: Джейн Остин, Томас Гарди, Чарлз Диккенс, Гилберт Кит Честертон, Грэм Грин, Айрис Мёрдок, Разипурам Кришнасами Нарайан, Джеймс Мэтью Барри, Беатриса Поттер, Элеонора Фарджон, Алан Гарнер, Маргарет Махи... О некоторых я писала, других переводила (зачастую сопровождая перевод предисловием). И всё же Кэрролл занимает в моей жизни особое место. Я не раз размышляла о том, почему так случилось. Как происходит, думала я, что ты оказываешься связан на годы или даже на всю жизнь с той или иной темой, с тем или иным автором? Выбираешь ли ты его сознательно, по размышлении, или это происходит постепенно, подспудно завладевая тобой? Приводит ли тебя именно к этому автору цепь случайных, как кажется, совпадений? Словом, ты его выбираешь — или он тебя? Эти мысли нередко приходили мне в голову при каждом новом, неожиданном повороте «кэрролловской линии» в моей жизни.

Биография — особый жанр. Она растёт постепенно.словно лоскутное одеяло, ее собирают из разноцветных кусков ткани, больших и поменьше, а то и вовсе маленьких, ярких, броских, бьющих в глаза, и приглушенных, скромных, почти незаметных. Это различные документы, дневники и письма, воспоминания родных, друзей и знакомых, статьи на отдельные темы, биографии, написанные с разных позиций разными авторами, и, конечно, сами произведения... Биограф складывает и сшивает свое одеяло, пишет свою повесть, кропотливо подбирая лоскутки по размеру и цвету. Это понимаешь особенно ясно, когда думаешь о таком непростом, противоречивом и *многообразном* человеке, каким был Льюис Кэрролл. Выбираешь свой ракурс, фиксируя внимание на том, что тебе кажется важным, определяющим. И, конечно, принимаешь во внимание свои возможности. Скажем, Кэрролл был математиком и логиком, и эта сторона его жизни, разумеется, требует особого внимания. Но для меня это невозможно: я не математик и не логик. Читатель найдет в тексте лишь краткие указания на эту сторону жизни Кэрролла.

В приложение войдут материалы, не укладывающиеся в биографию, но интересные для читателей и важные для понимания незаурядной личности Кэрролла.

В заключение мне остается лишь выразить надежду на то, что читателям будет интересно познакомиться с этой книгой.

В добрый путь!

Сердечно благодарю тех, кто помог мне в работе над этой книгой: Алису Аллен (Лидделл), Эдварда Вейклинга, Селвина Гудэйкера, Энн Кларк, Марка Ричардса, Маргарет Тай (Великобритания); М. М. Демурова, С. А. Малкина, Н. Ю. Семенову (Москва); Э. А. Кузнецову, Л. Д. Шакулову (Нижний Новгород); Клэр и Августа А. Имхольца Младшего, Мортон Н. Козна, Александра Д. Уэйнрайта (США).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О ПРЕДКАХ И О РОДИТЕЛЯХ

Чарлз Латвидж (Латуидж)² Доджсон, будущий знаменитый писатель Льюис Кэрролл, происходил из семьи, которая, по родовому преданию, обосновалась когда-то на севере Англии. До недавнего времени мы ничего не знали о дальних предках писателя: Стюарт Доджсон Коллингвуд (*Collingwood*), племянник и первый биограф Кэрролла, рассказывает лишь о прадеде, деде и отце писателя. Коллингвуд, сын сестры Кэрролла Мэри и крестник писателя, хорошо знал и любил его. Книга писалась сразу же после смерти Кэрролла; в это время в руках Коллингвуда были семейные бумаги, дневники, письма и черновики дяди, его личные вещи и книги, которые были потом разрознены, частью уничтожены, а частью пропали. Биография, вышедшая в конце 1898 года, но датированная 1899-м, и по сей день остается важным источником для изучения жизни и творчества Кэрролла^{1*}.

Лишь недавно были опубликованы результаты изысканий Кита Райта (*Keith Wright*), внимательно изучившего церковные и светские архивы, а также материалы, предоставленные ему семейством Доджсон, университетами, библиотеками и коллекционерами, что позволяет заглянуть глубже в родословную писателя^{2*}. Исследователь обнаружил сведения о различных Доджсонах в приходских архивах небольшого городка Гисборн в округе Крейвен (графство Йоркшир). Несмотря на многочисленные трудности (вызванные, в частности, неустойчивым написанием фамилии, которая встречалась в архивах и как *Dodgson*, и как *Doghson*, и как *Dodson*, что было, вообще говоря, характерно для того времени), Райту удалось проследить родословную писателя, восходящую к концу XV века. Он установил, что многие из Доджсонов с начала 1500-х годов и до самой середины

² Так произносят все англоговорящие народы имя *Lutwidge*, в отличие от часто встречающейся русской транслитерации «Лютвидж». В энциклопедических словарях приводится форма «Латуидж»; я использую транслитерацию «Латвидж», поскольку считаю, что она более точно соответствует английской фонетике и легче «ложится» на русский язык.

XIX столетия жили в самом Гисбурне или в деревнях поблизости и посещали приходскую церковь Святой Марии.

В XVI–XVII столетиях Доджсоны занимались земледелием и животноводством; арендовали землю, а с годами стали и прикупать ее, постепенно то расширяя свои владения, то теряя их. До наших дней в округе Крейвен, в полутора милях³ от Гисборна, сохранилась ферма Пейа, которая с начала XVII века принадлежала Доджсонам, разводившим овец, ибо места здесь холмистые и не пригодны к земледелию. Двухэтажный каменный дом, выстроенный Робертом Доджсоном (1652–1721) в 1692 году, до сих пор стоит без изменений, лишь крыша теперь крыта шифером. До конца XIX века на нем сохранялась надпись «1692». Ручей, протекающий по оврагу в миле от фермы, по сей день значится на геодезических картах как «ручей Доджсонов».

У Роберта Доджсона была большая семья. Его младший сын Кристофер (1696–1750), будущий прапрадед Кэрролла, был первым из Доджсонов, получившим образование. К тому времени в сельских местностях уже появились школы, и родители отправили Кристофера в школу, расположенную неподалеку от Грассингтона, где он проучился два года. За это время Кристофер проявил незаурядные способности, которые были отмечены премией. Двухэтажное каменное здание, в котором он учился, сохранилось до наших дней: в нем и сейчас расположена школа — вернее, часть современного школьного комплекса. Дома в Англии строятся по большей части из местного кирпича или камня и сохраняются лучше, чем деревянные.

По окончании школы Кристофер отправился в Кембридж. 19 мая 1716 года он был принят в колледж Святого Иоанна (*St. John's*) в качестве сайзера (*sizar*) — так называли в те годы студента, получавшего образование в колледже в обмен за работу и услуги. В 1720 году он окончил университет со званием бакалавра и был посвящен в Йорке в сан дьякона, а в июне 1721-го рукоположен в сан священника епископом Йоркским.

Старший сын Кристофера Чарлз, будущий прадед писателя и весьма колоритная фигура, родился в 1722 году, учился в школе в Шербурне неподалеку от Йорка и 3 июня 1742 года был принят в колледж Святого Иоанна, в котором учился его отец. Судя по тому, что Чарлз тоже был сайзером, доходы его семьи были весьма скромны. Вскоре после поступления Чарлза в колледж скончалась его мать. (Как ни странно, то же несчастье и в такое же

³ Британская сухопутная миля составляет 1609,344 метра.

время, вслед за поступлением в колледж, спустя столетие выпадет на долю его знаменитого потомка.) Последние университетские экзамены Чарлз Доджсон сдавал в 1747 году, после чего получил степень бакалавра. В 1758-м ему была присуждена степень магистра.

После смерти отца важную роль в жизни Чарлза Доджсона сыграл местный помещик Хью Смитсон, знавший старшего Доджсона. Он принял участие в жизни семьи и подружился с Чарлзом. Благодаря неожиданным поворотам судьбы и законам английского майората⁴ Хью Смитсон вскоре стал графом, а затем и герцогом Нортумберлендским, поднявшись на вершины богатства и знатности. В 1755 году Чарлз получил от своего патрона приход в деревне Кёрби Уиск в Йоркшире, где прослужил до 1861-го. Эта деревня находится всего в 19 милях от Крофта, куда почти столетие спустя перебралось семейство Кэрролла. Когда впоследствии он регулярно ездил из Крофта в Рипон, навещая отца, служившего также и в Рипонском соборе, его путь лежал мимо Кёрби Уиск. Однако он и не подозревал о том, что здесь когда-то жил его прадед!

В 1761 году Чарлз Доджсон был переведен из Кёрби Уиск в Элсдон, который находился в Нортумберлендском приходе, также принадлежавшем герцогу Нортумберлендскому, то есть Хью Смитсону, и служил там до 1765-го. Родовое поместье Хью Смитсона находилось неподалеку от Элсдона, и Чарлз стал наставником его детей. Жизнь в Элсдоне, расположенном вблизи от шотландской границы, была сопряжена с опасностями. На одной из фотографий, опубликованной Райтом, мы видим сохранившуюся по сей день Элсдонскую башню, в которой поселился Чарлз: это мощное каменное сооружение с зубчатой крышей и тремя маленькими окошками-бойницами. Райт поясняет, что большое окно с переплетами было пробито в основании башни значительно позже, когда прекратились пограничные набеги из Шотландии. Чарлзу, выросшему в более мягком климате Йоркшира, было трудно привыкнуть к суровым северным ветрам и ледяным дождям. Коллингвуд справедливо замечает, что Элсдон вряд ли можно было назвать синекурой.

Сохранились письма Чарлза Доджсона к Смитсонам, которые весьма живо рисуют его жизнь в Элсдоне. Вот некоторые фрагменты из тех, которые приводит Коллингвуд:

⁴ Майорат — система наследования по мужской линии, при которой титул и все имущество умершего нераздельно переходят к старшему в роде или семье.

«Я весьма признателен вам за обещание писать мне, но не трудитесь слать письма сюда, ибо получать их невозможно: за ними нужно отправлять человека за 16 миль.

Невозможно описать странность моего положения в настоящее время, которое, правда, не лишено некоторых приятных обстоятельств.

По утрам мой парик расчесывает деревенский сапожник (мастер изготавливать деревянные сабо), для чего в качестве болванки он использует голову викария, в то время как его супруга пудрит парик с помощью сита для просеивания муки.

Передней, временно используемой как жилище ректора, служит замку конюшня с низким потолком; над ней располагается кухня с двумя крошечными кроватями, соединенными друг с другом. Викарий с женой спят в одной из них, а служанка Марджери в другой. Я сплю в небольшой гостиной, устраиваясь меж двух кроватей, чтобы не замерзнуть до смерти, ибо дом у нас открыт ветрам, которые свободно гуляют по нему, задувая мне прямо в постель. <...> Если бы я не знал из самого надежного источника, что мир погибнет от огня, я бы решил, что близится наш конец, только причиной тому будет вовсе не огонь. <...>

Одни говорят, что Элсдон был когда-то базарным селом, другие — что это был настоящий город; однако приходские архивы пропали столетия назад, так что невозможно установить, был ли он тем или другим и как долго.

Кое-где видны следы былого величия, что склоняет любителей древности к мысли о том, будто Элсдон утратил свои торговые связи и городскую хартию еще при Великом потопе»⁵.

Как видим, письмо написано в весьма вольном ироническом стиле, который был столь характерен для XVIII века. Нетрудно заметить, что прадед писателя обладал незаурядным чувством юмора, помогавшим ему видеть нелепости жизни и находить «приятности» в трудных ситуациях.

Спустя несколько лет Чарлз был уже епископом Элфинским, его епархия находилась в живописной, однако, по словам Коллингвуда, «далекой от цивилизации» западной части Ирландии.

У епископа было четверо детей. Его старшая дочь Элизабет Энн вышла замуж за Чарлза Латвиджа из Холбрука в Камберленде. Этот брак положил начало материнской линии Кэрролла. Епископ умер в Дублине и похоронен в одной из двух церквей Святой Бригитты, но в какой именно, неизвестно, так как церковные архивы погибли во время пожара.

⁵ Здесь и далее в случаях, когда не указан переводчик, перевод сделан автором книги. — *Прим. ред.*

Старший сын епископа Чарлз, будущий дед Кэрролла, пошел в армию и дослужился до чина капитана в драгунском полку. (Отметим, что с этого времени в семействе Доджсонов имя Чарлз давали старшим сыновьям.) В 1799 году он женился на Люси Хьюм, а в следующем году у них родился сын, которого также называли Чарлзом, — ему было суждено стать отцом Льюиса Кэрролла.

Капитан Доджсон погиб в мятежной Ирландии в декабре 1803 года. Коллингвуд так рассказывает об этом. Один из предводителей ирландских «бунтовщиков» дал знать, что готов сдаться англичанам, если капитан Доджсон под покровом ночи лично явится за ним. Капитан был мужественным человеком; он понимал всю опасность сделанного ему предложения, но принял вызов — отправился на встречу, предварительно написав жене прощальное письмо. В ночь на 16 декабря в сопровождении нескольких драгунов он подъехал к назначенному месту — ветхой хижине в миле от Филиппстауна в графстве Кингс. Как было условлено, он оставил своих людей в нескольких сотнях ярдов от хижины и направился к ней один. Из окна хижины раздался выстрел, и Доджсон упал. Драгуны бросились к своему капитану — он был мертв. Была ли это случайность, ошибка или коварный замысел, осталось неизвестным. В семье сохранилось предание о том, что в роковую ночь жена капитана, находившаяся вдали от места трагедии, услышала два выстрела и подняла слуг. Слуги обыскали окрестности, однако вокруг всё было тихо. Позже пришло известие, что муж ее был убит в этот час.

Кит Райт опубликовал завещание капитана, судя по всему, написанное непосредственно перед тем, как он отправился на роковую встречу. Оно было утверждено в Лондоне 9 февраля 1804 года и дает яркое представление о «Чарлзе Доджсоне, эсквайре» (так он подписался под ним):

«Филиппстаун, 15 <декабря>, 1803.

Если меня постигнет несчастье, нередкое и вполне вероятное в обстоятельствах настоящего времени, равно как и во все времена человеческой жизни, оставляю эти страницы в качестве моего последнего завещания. Душу мою предаю в руки моего милосердного Создателя и смиренно прошу Его простить мне мои прегрешения и уповаю, что... (неразборчиво. — Н. Д.) милостью Божьею я вкушу... (пропуск в оригинале. — Н. Д.) от всего сердца прошу жену мою Люси Доджсон не оплакивать безмерно мою смерть, но думать о наших дорогих детях как о драгоценных залогах любви, связующих нас, дарить им, как прежде, свою материнскую любовь и верить, что это наилучший способ хранить память обо мне. Если